

Оглавление

Введение	7
--------------------	---

Часть I. Причины войны

ГЛАВА 1. Почему мы не вступаем в конфликты.	28
Мир — это стратегия	32
ГЛАВА 2. Неконтролируемые интересы.	41
Проблема с автократами и олигархами	44
Американская неблагородная революция.	48
Логика неконтролируемых личных интересов в действии.	53
Сдержки и противовесы.	60
ГЛАВА 3. Нематериальные стимулы.	63
Праведный гнев	64
Как нематериальные стимулы повышают риск войны .	74
Слава и статус.	77
Идеология и неприятие компромисса.	85
Доставляет ли людям удовольствие насилие как таковое?.	90
Коварная территория	99
ГЛАВА 4. Неопределенность	101
Неопределенность относительной силы.	107
Неопределенность и способность блефовать	114
Репутация в мире множества соперников	119
Америка против Саддама Хусейна	122
ГЛАВА 5. Проблемы обязательств	133
Мировая война	136
Афины против Спарты.	142
Логика проблемы обязательств в действии.	148
Массовые убийства и геноцид	153
Гражданские войны	154
Возвращаясь в Ирак	157
Реальность сопротивляется простому нарративу. . . .	160
ГЛАВА 6. Неверное восприятие	162
Элементы быстрого мышления.	165

Неверное представление о себе: самоуверенность	167
Ошибки восприятия других: неверное проецирование и неверное толкование	177
Как группы влияют на наши пристрастия	188
Автоматическая враждебность	194
Соединяя пять логических предпосылок	203

Часть II. Пути к миру

ГЛАВА 7. Взаимозависимость	206
Переплетение интересов	209
Экономическая взаимозависимость	212
Социальные взаимосвязи	216
Нравственные и культурные взаимосвязи	223
ГЛАВА 8. Сдержки и противовесы	227
Почему в стабильном обществе много центров	230
Полицентричный мир	237
Путь к усилению контроля со стороны общества	240
ГЛАВА 9. Нормы и механизмы правоприменения	244
Верховный миротворец: государство	249
Анархия и самоподдерживающиеся институты	254
Анархия и международные институты	257
ГЛАВА 10. Вмешательства	263
Война — коварная проблема	266
Наказание	269
Принуждение	277
Посредничество	287
Социализация	294
Стимулирование	301
ГЛАВА 11. Окольные пути к войне и миру	306
Поставить женщин у власти?	307
Чтобы предотвратить конфликт, надо победить бедность?	314
Другие побочные корни войны	317
Да пусть они подерутся!	320
Заключение	327
Благодарности	360
Примечания	366
Библиография	418
Предметный указатель	456

Введение

Наполеон в третий раз позвонил в дверь. «Уверен, он здесь», — произнес он, обернувшись к нам. Я стоял на тротуаре рядом с его напарником Чарльзом и моей коллегой Меган. Мы с ней, явные чужаки, сопровождали этот дуэт в течение дня.

Нап и Чарльз, в отличие от нас, выросли в чикагском районе Вест-Сайд. Оба в юности были главарями устрашающих местных банд. В наши дни большинство обитателей Северного Лондейла знает эту седовласую парочку с их неустанным вниманием к различным точкам района, в которых тусуются наркоманы. Они стремятся отговорить юные версии самих себя от торговли наркотиками и насилия, в том числе таких парней, как Джонни.

Джонни был главарем местной компании. Компании, шайки, клики — стариканы типа Напа подбирают разные определения для групп молодежи, сбывающих наркоту и торгующих патронами на улицах Лондейла. Он никогда не использует термин «банда». «Это не банды, — как-то сказал мне Нап, качая головой. — У нас была организация, дисциплина, правила. А это просто... Совсем не то». Современные шайки — разрозненные, мелкие версии крупных, объединенных криминальных структур, которые некогда господствовали в черных кварталах типа Лондейла. Да, Нап разглагольствовал о «современных пацанах» с апломбом бывшего лидера банды, но в его тирадах была доля истины.

Стоял теплый осенний день, листва на деревьях, высаженных вдоль улицы, уже начала желтеть, но еще не опадать, скрывая крылечки трехэтажных семейных особняков в густой тени. Несколько молодых парней сидели неподалеку от нас на одном из крылечек, переговариваясь и поглядывая вдоль улицы. В то время я еще был новичком в Чикаго. Это

тихое местечко ничем не напоминало криминальные районы, которые я видел по ТВ. Как объяснил нам Нап, это место называется Святой землей. Несколько здешних кварталов — родина Вайс Лордс, одной из крупнейших и наиболее влиятельных уличных банд в американской истории.

Парни со своих крылечек внимательно смотрели спектакль, который устраивала у них на глазах наша небольшая группа в неоновых жилетках, накинутых поверх обычной одежды. Чужаки были редкостью в Святой земле. И сегодня чужаки стучали в дверь их главара.

Кто другой уже махнул бы рукой на Джонни, но Нап и Чарльз проявили настойчивость. Чарльз крикнул: «Эй, кто знает, где Джонни?» — а затем двинулся в сторону группы парней.

По всему городу социальные работники типа Напа и Чарльза разыскивали тысячу таких, как Джонни. С большой вероятностью, молодые люди вроде него в ближайшие месяцы должны были стать причиной ряда криминальных событий. В предыдущем, 2016 году количество убийств в Чикаго выросло на устрашающие 58%. Нап и Чарльз олицетворяли собой идею о том, как снизить эти показатели.

Среди парней прошел слух о том, что предлагают Нап и Чарльз. «Вы из этой программы?» — спросил один из них. Он сразу расслабился и усмехнулся. Программа предлагала переход к новой жизни: 18 месяцев официальной работы и зарплаты, плюс каждую неделю по 10 часов поведенческой терапии. Больше всего его интересовала работа. «Как ее получить?» — поинтересовался еще один парень.

Как только Нап начал рассказывать, дверь дома Джонни распахнулась. На пороге появился невысокий, стройный, сложенный будто легкоатлет, каким он когда-то и был, уверенный в себе молодой человек. На нем была надета майка с изображением Супермена и черные тренировочные штаны. За его спиной стояла девочка лет двух. «Извините, — произнес он, — мы спали».

Брат Джонни был главарем шайки, управлявшей в этом квартале. Месяц назад его пристрелили парни из конкурирующей «компании». Теперь Джонни стал «младшим боссом».

Оглядев нас с головы до ног, он спросил: «Что надо?» В это время его дочь уселась на трехколесный велосипед и покатила по тротуару. Нап и Чарльз принялись посвящать Джонни в перспективы, которые откроются перед ним, если он согласится принять участие в программе. Если им удастся его уговорить, за ним, с его авторитетом и харизмой, с большой вероятностью, потянутся другие. Кроме прочего, Нап и Чарльз надеялись, что это заставит команду Джонни отказаться от идеи мести своим конкурентам. Позже Нап скажет: «Видели, как эти парни держатся за него? Так выглядит настоящий босс».

Через три недели, когда Джонни возвращался домой со своей новой работы, возле него притормозил автомобиль. «Младший босс» получил 16 пулевых ранений в грудь, ноги и правую руку. К счастью, ему помогли навыки бывшего легкоатлета: добежав до магазинчика на углу, он, обливаясь кровью, упал, но выжил. Своей войны Джонни избежать не удалось.

Почему группы молодых людей вроде него впутываются в кровавые разборки, убивая таких же парней? Что с этим может поделать пара стариков типа Напа и Чарльза, не говоря о совершенно посторонних людях вроде меня?

Когда становишься свидетелем жестоких вспышек насилия, нельзя просто переключиться и думать о чем-то другом. Даже если наблюдаешь за ними с безопасного расстояния, значимость всего остального на этом фоне бледнеет. Именно это произошло со мной почти 20 лет назад.

Почему насилие имеет значение

До гражданской войны поездки по северу Уганды представляли собой длительные перемещения по сухим, пыльным проселочным дорогам, вдоль которых на протяжении многих миль колыхались травы выше человеческого роста. Зеленые в сезон дождей, бурые во время засухи, эти заросли покрывали бескрайние равнины, прерываемые редкими факториями и пастбищами.

Большинство семей народа ачоли занимались фермерством и скотоводством. Они жили в поселениях, состоящих из круглых хижин с гладкими глиняными стенами и коническими соломенными крышами, посреди маисовых полей и стад домашнего скота. На этой территории страны, известной как Ачолиленд, некогда жило больше коров, чем людей. Предположу, что это было прекрасно.

К тому времени, когда я оказался на севере Уганды, травы росли по-прежнему, но коровы, сельскохозяйственные угодья и живописные хижины давно исчезли. Более двух десятилетий здесь бушевала гражданская война. Страх перед повстанцами и угандийской армией вынудил почти два миллиона человек перебраться в перенаселенные лагеря, созданные в считанных милях от их опустевших и заросших дикой растительностью земель.

В лагерях стояли такие же круглые хижины с бурыми стенами и соломенными крышами. Но теперь вместо идиллических усадеб, окруженных зеленью и домашним скотом, хижины лепились одна к другой на голой, выжженной солнцем земле. Пройти между ними можно было, только пригибаясь под свисающими крышами, которые едва не касались друг друга. Так выглядела территория отчаяния.

Правительство зачистило провинции от людей и переместило их в эти убогие поселения. Таким образом солдатам было проще охотиться за повстанцами, а мятежникам — труднее добывать себе пропитание и прочие припасы. Классическая стратегия и одновременно — военное преступление, поскольку миллионы людей лишались из-за свободы и средств к существованию.

Этим семьям было запрещено обрабатывать близлежащие земли. Они влачили жалкое существование, перебиваясь бобами и мукой, которые еженедельно привозили в поселения ооновцы. Двери хижин были сделаны из сплюснутых жестяных канистр, на каждой из которых красовалась надпись: «Рафинированное растительное масло. Не для продажи или обмена. Предоставлено американским народом».

Я совершенно не собирался туда ехать. Мне было 30 лет, я писал докторскую по экономике в Калифорнийском университете в Беркли. Экономисты обычно не ездят ни в зоны активных боевых действий, ни в лагеря для перемещенных лиц. Диссертационная комиссия была единогласна: «Не стоит». Однако я все же попал туда и первым делом спросил себя: «Что я здесь делаю?»

Я изучал одно племя, которое интересовалось доходами и их увеличением. Именно эта одержимость привлекла меня в Восточную Африку: я изучал промышленный и экономический рост в Найроби, мирном городе в нескольких сотнях миль от северной Уганды. Война была маленькой, ограниченной, далекой и, соответственно, недостойной особого внимания. Я, как и миллионы жителей этой процветающей столицы, занимался своими делами. Меня никак не касалась разворачивающаяся неподалеку трагедия. По крайней мере до того момента, как один местный жулик отвлек меня разговором за ланчем, а его напарник стибрил мой рюкзак, лэптоп и все прочее.

После этого мне пришлось проводить дни в интернет-кафе. В Кении связь осуществляется с черепашьей скоростью по телефонной линии. Если мне еще раз встретится тот жулик, я обниму его с благодарностью. Ведь такая медленная связь означает, что каждое электронное письмо загружается 10 мучительных минут. Во время этих электронных интерлюдий делать нечего, и люди, сидящие бок о бок за компьютерами, совершенно естественно заводят беседы с соседями. Так однажды я повернулся к женщине, сидевшей рядом, и заговорил с ней.

Джинни Аннан только что вернулась из рабочей поездки на север Уганды, где шла война, до которой никому не было дела. Гуманитарный работник и аспирантка философского факультета, она подозрительно осмотрела меня с ног до головы. На мне был костюм, а от европейцев в костюмах в Африке редко можно ждать чего-то хорошего. Но я был в курсе того, что происходит, и ей показалось, что меня интересует эта война, чего она не могла сказать о большинстве тех, с кем встречалась. В итоге она дала мне шанс.

Через пару месяцев я ехал с ней по иссохшим пыльным дорогам, восхищаясь милями бесконечных травяных лугов и надеясь, что нам не встретятся повстанцы. Надо признать, что я согласился на эту поездку в основном потому, что меня заинтересовала Джинни. Но, кроме этого, у нас была одна общая идея. После десятилетий войны никто не знал истинных потерь среди молодых мужчин и женщин — перемещенных, убитых, мобилизованных. Джинни понимала войну и психологический ущерб от насилия, а я — экономику, обзоры и статистику. Мы объединили свои силы, наняли команду местных и ближайших два года провели, изучая людей, пострадавших от конфликта. В ходе исследования мы пытались собрать убедительные цифры, выясняли, какие программы могут помочь, и проверяли, какие из них работают лучше всего. Суровые последствия конфликта были видны повсюду. Мы были подавленными счетоводами.

Я еще не был влюблен в Джинни, но после месяцев, проведенных в Уганде, все к этому шло. Мы вместе писали свои диссертации, защитились и получили первую работу в Йеле. Нынче мы женаты уже 15 лет. У нас обоих большой список опубликованных научных работ. Но самые главные результаты нашей совместной деятельности — одиннадцатилетняя дочка и девятилетний сын.

Та случайная встреча в кафе с медленным интернетом безусловно повлияла и на мою карьеру. В северной Уганде я узнал о существовании более жестокого насилия, чем мог себе когда-либо представить. Молодые люди, с которыми я встречался, рассказывали жуткие истории, о которых не хочется вспоминать. Я ощущал, что никак не могу восстановить справедливость. Это были одни из самых мучительных месяцев в моей жизни, которые заставили меня переосмыслить если не все, то очень многое.

В последующие годы я понял, что успех общества не только в преумножении благосостояния. Он в том, чтобы группа повстанцев не захватила в рабство твою одиннадцатилетнюю дочь, взяв ее в жены. Он в том, чтобы сидеть на крыльце своего дома, не опасаясь случайной пули от перестрелки на до-

роге. В том, чтобы иметь возможность обратиться в полицию, суд или мэрию и добиться хотя бы подобия справедливости. В том, чтобы правительство никогда не имело возможности выгнать тебя с твоей земли или запихнуть в концентрационный лагерь. Экономист Амартия Сен называет это «развитие как свобода». Трудно представить нечто более значимое, чем свобода от насилия.

Конфликты делают нас беднее. Ничто не губит прогресс так, как конфликт. Он несет с собой крушение экономики, развал инфраструктуры, гибель и увечья людей, задержку развития целого поколения [1]. Люди перестают заниматься развитием, если каждый день ждут бомбардировок, этнических чисток или судебного произвола. Они не думают о достижениях, торговле, инвестициях. Им не до реализации новых идей или создания технологий.

В Чикаго каждый год происходит несколько сотен перестрелок. Это обходится американскому обществу, вероятно, в несколько сотен миллионов долларов. Экономист и философ-этик Адам Смит писал еще два с половиной века назад: «Мало что требуется для перехода государства от низшего варварства к высшему уровню благосостояния, кроме мира, посильных налогов и терпимого осуществления справедливости» [2].

Разумеется, думал я, если меня интересует процветание, равноправие и справедливость, меня должна интересовать и война.

Под словом «война» я подразумеваю не только события, разворачивающиеся в странах, которые участвуют в вооруженных конфликтах. Я говорю о любой продолжительной насильственной борьбе между различными группами. Это могут быть деревни, кланы, банды, этнические группировки, религиозные секты, политические фракции и нации. При этом корни борьбы должны иметь общие черты. Мы увидим это на примере североирландских зелотов, колумбийских картелей, европейских тиранов, либерийских повстанцев, греческих олигархов, чикагских гангстеров, индийских банд,

геноцида в Руанде, английских футбольных хулиганов и американских захватчиков.

Услышав о перестрелках в северном Лондейле или на севере Руанды, кто-то наверняка подумает: «О-о, снова об этих местах», или «В нашем обществе это далеко позади», или «Мы не такие». Но это неправильно. Даже если вы читаете эту книгу, находясь в безопасном, мирном и процветающем месте, логика отдаленных конфликтов может объяснить события в прошлом вашей страны, продолжающиеся конфликты между народами, к которым принадлежите вы сами, и причины, по которым ваше правительство и его союзники до сих пор нападают на другие государства. Моя задача — дать универсальную схему для понимания общих сил, которые движут подобными катастрофами искусственного происхождения [3].

Я не ставлю перед собой задачу объяснить все существующие виды конфликтов. Когда я выше назвал войну продолжительной насильственной борьбой между группами, я тщательно подбирал слова. Одно из них — продолжительная. Длительные противостояния отличаются от кратковременных стычек. Короткие и смертоносные ссоры важны, но их гораздо легче объяснить раздражительностью, импульсивными ошибками и краткосрочными просчетами. Но настоящая загадка — почему противники годами и даже десятилетиями уничтожают себя и предметы своего вождения.

Другой ключевой термин в определении войны — группы. Отдельные люди все время вступают в конфликты. Такие межличностные противостояния — это непосредственная реакция на те или иные действия или слова, и длится она, как правило, недолго. Если писать книгу о конфликтах вообще, придется подробно разбирать характерные особенности, которые мы унаследовали от наших предков, в том числе врожденный рефлекс «бей или беги» и легкость, с которой люди идентифицируют себя с членами своей группы. В это время войны — это длительные конфликты, в которых подобные реакции теряют значение. Человеческие рефлексы, конечно, никуда не деваются. Но большие группы, вступая в конфликты, совещаются и выбирают стратегии. В книге

я буду говорить о поведении людей, которые занимаются дискриминацией, вступают в драки, устраивают суды Линча и просто убивают. Все эти проявления могут прояснить поведение больших конфликтующих групп [4].

Наконец, последнее важное слово в определении войны — насильственная. Ожесточенная борьба для групп — нормальное дело. Но одна из распространенных человеческих ошибок — смешение причин, которые вызывают резкое и враждебное противостояние, с причинами, при которых это противостояние переходит в насилие. Если ожесточенная конкуренция — это нормально, продолжительное насилие между группами — нет. Помните, что войн быть не должно. И большую часть времени их действительно не бывает.

Война — исключение, а не правило. Даже злейшие враги предпочитают ненавидеть друга в мирных условиях.

Наше внимание приковывают войны, которые происходят как в Северной Уганде или Северном Лондейле. Сводки новостей и книги по истории фокусируют наше внимание на горстке насильственных противостояний. Очень мало кто пишет книги о бесчисленных конфликтах, которых удалось избежать. Но мы не можем смотреть только на проявления враждебности, как и студент-медик не должен изучать только неизлечимо больных, забывая, что большинство людей здоровы.

В этой книге мы попытаемся отойти от такого нерепрезентативного взгляда. Возьмем, например, конфликты на этнической и религиозной почве. Политологи подсчитали все этнические и религиозные группы в Восточной Европе, Центральной Азии, Южной Азии и Африки, для которых восстания и чистки считаются своеобразным эндемиком. Они сосчитали количество пар, достаточно близких, чтобы конкурировать между собой, а затем обратили внимание на те, которые действительно вступали в конфликт. Так, выяснилось, что в Африке ежегодно приходится примерно один серьезный случай этнического насилия на 2 тысячи потенциальных. В это время в Индии ежегодно происходит менее

одного восстания на 10 миллионов человек, а максимальное количество смертельных случаев — 16 на 10 миллионов человек. Для сравнения: среднее количество убийств в крупном городе США — 16 на 100 тысяч жителей. Это в тысячу раз превышает количество смертей в ходе религиозных конфликтов в Индии. Даже при сильном различии в этих данных ясно, что большинство групп, даже враждебно настроенных, живут бок о бок без насилия: враги предпочитают взаимную ненависть в мирных условиях [5].

Это можно видеть и на международном уровне. Например, длительная конфронтация между Америкой и Советским Союзом поделила Европу и весь мир на две части, даже не используя ядерное оружие. Сегодня продолжается противостояние между Пакистаном и Индией, отношения между Северной и Южной Кореей зашли в мрачный тупик, безвыходное положение сохраняется в Южно-Китайском море. Можно при этом вспомнить поспешный, но мирный уход Франции и Англии из их африканских колоний, как только стало ясно, что там могут начаться войны за независимость, плюс ненасильственный уход Советского Союза из Восточной Европы. Существуют общества, разрываемые политическими фракциями, озлобленные и поляризованные классовыми и идеологическими противоречиями, которые тем не менее выясняют отношения в парламентах, а не на полях сражений. Однако мы каким-то образом склонны забывать об этих событиях.

Мы пишем книги о великих войнах и упускаем из виду периоды мира. Мы обращаем внимание на кровавые спектакли как на самые яркие события. Тем временем моменты компромиссов попросту ускользают из нашей памяти [6].

Внимание к таким историческим провалам объясняется предвзятостью отбора — логической ошибкой, к которой мы все склонны. У этой ошибки есть два важных последствия. Первое — сильное преувеличение количества насильственных действий. Наверняка вы не раз слышали фразы вроде: «Мир полон конфликтов», «Война — естественное состояние

человечества», «Вооруженное противостояние между [вставьте названия великих держав] неизбежно». Вот только ни одно из этих утверждений не соответствует действительности.

Не учитывать конфликты, которых человечеству удалось избежать, — значит, совершать вторую опасную ошибку. Концентрируя внимание на периодах, когда мир не удалось сохранить, пытаясь выделить причины, которые к этому привели, легко можно получить обычный для таких случаев набор: порочный лидер, историческая несправедливость, невыносимая нищета, сердитые молодые люди, дешевое оружие, природные катаклизмы. Но, если присмотреться к периодам, когда стороны конфликта не находились в состоянии войны, окажется, что обстоятельства во многом были такими же. Иными словами, так называемые причины войн — обыденность. В отличие от продолжительного насилия.

Когда во время Второй мировой войны американские бомбардировщики возвращались на базы после налетов, их корпуса и крылья были изрешечены пулевыми пробоинами. Командование приказало инженерам усилить броневую защиту этих частей. Но статистик по имени Абрахам Вальд не согласился с этим и заявил, что инженерам следует, напротив, усилить защиту двигателей и кабины пилотов, где у возвращавшихся с заданий машин пробоин практически не было. Он вычислил, что отсутствующие пулевые пробоины должны быть на самолетах, которые не возвращались на базу. Попадания в кабину или двигатель приводили к гибели самолета — вот почему никто не видел вернувшиеся бомбардировщики с пробоинами в этих частях. Это говорит о том, что военные сосредоточили внимание только на одной части примеров, поэтому неправильно определили дальнейшие действия. Такие очевидные в ретроспекции ошибки мы совершаем снова и снова.

Командование ВВС США столкнулось с проблемой отбора, которая также называется *предвзятостью* или *ошибкой выжившего*. Когда речь идет о войне, мы, напротив, склонны уделять слишком много внимания периодам, когда мир не удалось сохранить. Но если самолеты изрешечены пуля-

ми от носа до хвоста, невозможно сказать, какие попадания оказались фатальными, — ведь мы не сравниваем их с теми, которые уцелели и вернулись на базу. То же происходит, когда вы смотрите на войну и пытаетесь вычислить, что к ней привело. История каждого противостояния изрешечена пулевыми пробоинами: нищетой, раздражением и свободным доступом к оружию. Но далеко не все раздраженные люди поднимают восстания, большинство молодых людей не устраивают разрушительных бунтов, и даже вооруженные до зубов группы предпочитают холодную войну горячей.

Чтобы обнаружить реальные корни конфликта, нужно обращать внимание на противостояния, которые не переросли в войну. Соперники могут спорить и проявлять враждебность. Группы могут быть поляризованными. Они часто хорошо вооружены. Они унижают и порочат друг друга, в том числе демонстративно бряцая оружием. Это нормально — в отличие от кровопролития и разрушения.

Когда в следующий раз откроете газету или книгу об истории, попробуйте за всей напыщенностью и воинственностью разглядеть политиков, которые произносят речи, призывающие к умиротворению. Обратите внимание на противников, которые неделю-другую обмениваются ракетными ударами, а затем прекращают враждебные действия. Подумайте о советниках, которые нашептывают на ухо своим лидерам: «Мир, сэр!» Начните обращать внимание на генералов-ветеранов, которые напоминают менее опытным, но полным энтузиазма офицерам, какие бедствия их ждут впереди. Казначеев и прочих хранителей кошельков, которые трезво указывают, что война — слишком дорогое «удовольствие», обнаружить еще проще. Именно возможные мучения и затраты — то, что приводит большинство соперников к компромиссу.

Почему даже злейшие враги предпочитают мир

Голоса, призывающие к миру, обычно одерживают верх по одной простой причине: война разрушительна. Это массовая гибель солдат, страдания гражданских лиц, голодаю-

щие города, разграбленные запасы, нарушенная торговля, уничтоженная промышленность, банкротство правительств. Примерно 2500 лет назад китайский полководец Сунь Цзы так сформулировал это в трактате «Искусство войны»: «Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству»*.

Даже самые непримиримые противники предвидят последствия активного противостояния. Цена его ужасающа. Вот почему стороны стремятся прийти к соглашению, при котором нет риска уничтожения. В самый горячий момент могут происходить кровопролитные стычки. Но рано или поздно верх одерживают холодные головы.

Они ищут пути к компромиссу. Как сказал однажды Уинстон Черчилль, «встречаться лицом к лицу лучше, чем воевать». На каждую войну, которая случилась, приходится тысячи других, которых удалось избежать благодаря дискуссиям и уступкам. Переговоры и война — альтернативные способы получить сторонами желаемое. Это имел в виду председатель Коммунистической партии Китая Мао Цзэдун, когда в 1938 году говорил: «Политика — это война без кровопролития, а война — политика с кровопролитием». Мао повторял прусского генерала Карла фон Клаузевица, который на 100 лет раньше заметил: «Война — это продолжение политики другими средствами».

Нельзя забывать, что одна из этих двух стратегий губительная. «Компромисс или битва» ставит перед соперниками суровый выбор: заполучить неповрежденный приз мирным путем или каждому заплатить громадную цену, рискнув захватить истрепанные останки. Деструктивность конфликта означает, что для обеих сторон почти всегда лучше найти мирный раздел, чем ввязаться в войну.

Вот почему на протяжении всей мировой истории большинство выбирало мирный путь: 7 тысяч лет назад цивилизации ради спасения свои городов от разграбления регулярно откупались от так называемых варваров — кочующих

---

* Перевод Н.И. Конрада. — *Прим. пер.*